

Но когда он снова увидел того человека на главной улице Юнь и с первого взгляда заметил, как тот улыбается своему супругу с такой нежностью и баловством, скрытое отчаяние в его сердце в одно мгновение проросло в ненависть.

Разве ты не говорил, что будешь любить только меня одного, что никогда не изменишься, как бы ни менялся мир? Разве ты не обещал, что однажды разведёшься с тем человеком и женишься на мне? Почему эта глубокая и преданная любовь, которая раз за разом колебала мою решимость, вдруг изменилась?

Ты знаешь, как жестоко для меня то, что ты дал мне такую глубокую любовь, а затем забрал её обратно? Ты знаешь, насколько ты жесток?

Гу Хуайюй, почему ты больше не любишь меня?

Почему ты больше не любишь меня?!!!

Город Юнь всегда был процветающим местом. И хотя в начале года произошли потрясения, когда князь Жуй вывел войска из города, а разбойники устроили грабежи и убийства, к Новому году Юнь всё же вернулся к спокойствию под руководством градоначальника Сяо. На улицах уже чувствовалась праздничная атмосфера.

Во дворе Линьхуа резиденции Гу как снаружи, так и внутри уже развесили красные новогодние фонари, включая два фонаря с изображением новогоднего зверя у входа в главный зал. На окнах были наклеены красные праздничные узоры, сквозь которые в комнату падал тёплый уютный свет.

Сюэ Цзя сидел на большой лежанке в боковой комнате. Из-за жары в помещении он был одет только в тонкую белую шелковую рубашку с подкладкой, а ноги укрыл пледом из лисьего меха, привезённым из царства Цзян. Он склонился над столом на лежанке, просматривая бухгалтерские книги расходов и доходов резиденции Гу на праздничный период.

Поскольку Инь Цзинъи была беременна и ей нужно было сохранять спокойствие, домашние дела семьи Гу временно перешли к Сюэ Цзя, заодно давая ему возможность набить руку в ведении учёта. Хотя в резиденции Гу было мало хозяев, семья Гу была большой, и дел в усадьбе было немало, не говоря уже о том, что сейчас как раз шла подготовка к Новому году. Последние несколько дней Сюэ Цзя был занят приведением в порядок праздничных счетов и вопросами обмена подарками.

Гу Хуайюй сидел на маленькой табуретке на полу. В отличие от Сюэ Цзя, который продолжал работать до глубокой ночи, он вольготно устроился у единственной печки в комнате, неспешно поворачивая батат, запекавшийся на углях. Он улыбался, поворачивая его:

— В холодную зиму съесть горячий батат — удовольствие немалое.

Сюэ Цзя, не поднимая головы, продолжал листать счета и ответил:

— Если тебе нравится, то и хорошо.

Гу Хуайюй увидел, что батат ещё не готов, поспешно встал с пола, вскарабкался на лежанку к Сюэ Цзя и с улыбкой сказал:

— Почему ты в последнее время так занят? Это я виноват, что взвалил на тебя все домашние дела. Может, я помогу тебе посмотреть?

На самом деле Гу Хуайюй тоже не был так уж свободен. Он давно задумал открыть винодельню «Тысяча золотых» под именем семьи Гу. Затем, используя часть денег, взятых из казны семьи Гу для открытия лавки, и сбережений, накопленных им за годы, он тайно скупил в Восточном городе два магазина готовой одежды, переписав их на своё имя в городе Тао. Винодельня «Тысяча золотых» была лишь видимым бизнесом Гу Хуайюя; на самом деле она служила ему для тайного перевода средств, или, говоря проще, для отмыwania денег. По этой причине изначально бухгалтерские книги винодельни приходилось лично проверять Гу Хуайюю. К тому же нужно было менять обличия, чтобы управлять двумя магазинами одежды, так что и в праздничный период дел у него было немало, просто вечером он наконец смог выкроить время, чтобы пожарить батат.

Сюэ Цзя поднял на него глаза, в которых играла лёгкая улыбка. Его чёрные, как смоль, волосы струились по плечам и ложились на белую рубашку, создавая невыразимое очарование:

— Не нужно, я сам справлюсь. Ты редко отдыхаешь, позволь мне самому разбираться с этими скучными счетами.

Но Гу Хуайюй подался вперёд, бегло взглянул на книги, отодвинул их в сторону, крепко обнял Сюэ Цзя и, уткнувшись ему в плечо, пробормотал:

— Я вижу, что в счетах всё в порядке, не нужно так тщательно их перепроверять. Запрещаю тебе смотреть.

Сюэ Цзя попытался его оттолкнуть, но не смог и пришлось позволить ему лежать. Он глянул на Гу Хуайюя с улыбкой:

— Не балуй, мне ещё нужно обдумать, какие подарки мы подготовим, чтобы поднести всем сановникам на Новый год. Тут нельзя проявлять небрежность.

Услышав это, Гу Хуайюй нахмурился, словно о чём-то вспомнив:

— Верно, в последнее время Сяо Юйвэнь на пике популярности, нам лучше уклониться от его острия и подобрать ему достойный подарок.

После ухода князя Жуй, который забрал с собой из Юнь многие силы, принадлежавшие ему, а также из-за последовавших затем событий с разбойниками, в городе царила паника. Внезапно объявившийся Сяо Юйвэнь сразу же встал во главе дел, успокаивая людей и привлекая многих на свою сторону, что в один момент подняло его авторитет очень высоко.

Сюэ Цзя знал, что Гу Хуайюй крайне недоволен возвышением Сяо Юйвэня, и поспешил успокоить его, поглаживая спину:

— Мстить джентльмену следует спустя десять лет. Мир непредсказуем, если мы будем терпеливо ждать, то обязательно найдём способ свергнуть его.

Гу Хуайюй обнял Сюэ Цзя за талию, потерся щекой о его плечо и, понизив голос, скрежета зубами произнёс:

— Судя по словам старшего господина Шэнь, сейчас при дворе, похоже, неявно разделились на две фракции. Сяо Юйвэнь, несомненно, человек из клана Сяо, а вот тот, кто наверху, вряд ли позволит ему спокойно вечно сидеть на этом месте. Если бы я мог найти доказательства его сговора с разбойниками...

Сюэ Цзя на мгновение замолчал, затем улыбнулся и сменил тему:

— Как ты думаешь, чем всё закончится между старшим господином Шэнь и господином Оуян?

Ранее Оуян Цзянь, получив ранение, не мог передвигаться и временно оставался в резиденции Гу. Шэнь Аньхуа тоже остался в резиденции, несколько дней ухаживая за ним. Позже, когда беспорядки в Юнь немного утихли, Шэнь Аньхуа первым вернулся в дом Шэнь. А пару дней назад раны Оуян Цзяня тоже начали заживать, и он вернулся в свой особняк.

— Ты уж больно за всех переживаешь, — Гу Хуайюй смягчился и с усмешкой добавил. — Они, похоже, любят друг друга, но что касается результата... это, боюсь, трудно сказать. Оуян Цзянь — это одно, но старый господин Шэнь — тот ещё зверь. Он не похож на моего отца, который так меня балует, и вряд ли потерпит, чтобы старший господин Шэнь любил мужчину.

Сюэ Цзя вспомнил выражение лица Шэнь Аньхуа в тот день, когда был ранен Оуян Цзянь. Это было словно глубокая вода в глазах, от чего он сам не мог удержаться от волнения и невольно вздохнул.

Не желая говорить перед Сюэ Цзя о вещах, в которых он был бессилен, Гу Хуайюй поднял голову с плеча Сюэ Цзя и посмотрел на него горящим взглядом, полным радости:

— Цзяэр, завтра вечер — канун Нового года. Есть ли что-то, что ты хочешь получить в подарок?

Подарок?

Сюэ Цзя внимательно посмотрел в глаза Гу Хуайюй и мягко улыбнулся:

— Мне ничего не нужно.

Увидев, как глаза Гу Хуайюй округлились, он не смог удержаться от лёгкой улыбки и затем медленно продолжил:

— Если я и чего-то хочу, то это, вероятно, ты. Надеюсь, что каждый Новый год ты будешь рядом со мной.

Год за годом, храня верность тебе.

Гу Хуайюй, и так уже немного взволнованный, принялся тереться щекой о тело Сюэ Цзя. Услышав эти слова, его лицо стало ещё мягче, он подался вперёд и поцеловал Сюэ Цзя. Гортань дернулась, губы ласкали друг друга, язык проник внутрь, старательно исследуя и облизывая губы и зубы возлюбленного, пока тело Сюэ Цзя не стало совсем мягким.

Именно в этот момент в комнате запахло горелым. Сюэ Цзя поспешно упёрся руками в плечи Гу Хуайюй и, тяжело дыша, рассмеялся:

— Твой батат...

Гу Хуайюй уже давно забыл о том, что было на печке, но слова Сюэ Цзя вернули его в реальность. Он оглянулся и увидел: батат на печке ведь сгорел? Ранее он хвастался, что приготовит для Сюэ Цзя целый батат, и теперь, чувствуя неловкость, Гу Хуайюй сделал вид, что кашляет, позвал стоявшую снаружи служанку убрать всё, а затем повернулся к Сюэ Цзя:

— Случайность, чистая случайность. Завтра вечером, в канун Нового года, когда будем бодрствовать, я медленно приготовлю его для тебя. Если захочешь десять — я пожарю десять,

если сто — я пожарю сто.

Сюэ Цзя сдерживал смех, плечи его подрагивали, но он кивнул, стараясь сохранить серьёзный вид.

Вдруг Гу Хуайюй посмотрел на Сюэ Цзя с хитрым прищуром, тут же потянулся щекотать его под мышками:

— Ага, ты смеёшься над мужем, сейчас я покажу тебе мою силу.

Сюэ Цзя поспешно увернулся, но в конце концов не смог устоять и начал щекотать Гу Хуайюя в ответ. Они смеялись и обнимались, пока в конце концов не повалились вдвоём на лежанку. Чёрные волосы Сюэ Цзя растрепались и раскинулись под ним, его лицо покраснело от возни, и он выглядел невыразимо красиво. Гу Хуайюй замер, давно уже забыв о сгоревшем батате, опустился на него и прошептал ему на ухо с низким смехом:

— Сейчас все дела в сторону, главное — тебя съесть.

В первый день Нового года семья Гу открыла родовой храм для поклонения предкам.

<http://bllate.org/book/17686/1649991>